

**Выступление
Президента Федеративной Республики Германия
Франка-Вальтера Штайнмайера
по случаю 80-й годовщины нападения Германии на
Советский Союз 22 июня 1941 г. и открытия выставки
«Масштабы одного преступления. Советские
военнопленные во Второй мировой войне»
18 июня 2021 г.
г. Берлин**

22 июня 1941 года Борис Попов встретил молодым мотострелком. Ему было 19. Его часть располагалась в нескольких километрах от Минска. После завтрака утром 22 июня, – рассказывал он, – он со своими сослуживцами пошёл загорать в сад. Первые выстрелы и взрывы Борис Попов услышал там, лёжа в траве. Было воскресенье.

Двое его товарищей погибли сразу же в первых боях, его боевая машина была уничтожена. Командир полка приказал отступить. Солдаты пешим порядком направились в Минск. О том, что там их уже ждут германские войска, они не знали. Так Борис Попов в десяти километрах от Минска в первые же дни войны попал в германский плен.

Первый лагерь, в который его отправили, – Дрозды, в пяти километрах к северу от Минска, – на самом деле был не лагерем, а сборным пунктом под открытым небом. Кадры немецкой еженедельной хроники тех дней показывают это место: бескрайнее пространство, огороженное колючей проволокой, на котором тысячи советских солдат и офицеров сидят в пыли или стоят под испепеляющим зноем: молодые или уже зрелые мужчины, где-то в этой толпе и Борис Попов. Мы слышим, как диктор комментирует немецкую хронику: «Лица этих недочеловеков отмечены хищной алчностью и жаждой убийства». На самом же деле мы видим измученные голодом и жаждой лица совершенно обессиленных пленных.

В одних только Дроздах десять тысяч человек станут жертвами так называемого «приказа о комиссарах». К предполагаемым политкомиссарам Красной Армии, как гласил приказ вермахта, надлежит относиться не как к военнопленным, а «уничтожать на месте».

Борис Антонович Попов, солдат и ветеран Красной Армии, скончался ровно год назад, 20 июня 2020 г., в возрасте 98 лет. Я никогда не был знаком с ним лично, но мне поведали его историю. Сам Борис Попов рассказывал нам её в своих докладах и выступлениях, а в последний раз, пять лет назад, – в документальном фильме телерадиокомпании «Берлин-Бранденбург».

Фильм показывает Бориса Попова сидящим на скамье в парке в Минске, где он жил с 1950 года. Он не выглядит на свои девяносто с лишним. В годах – да, но без намёка на усталость. Живой, сохраняющий присутствие духа, он производит большое впечатление на зрителя.

Ему повезло. Он пережил войну. А нам повезло, что он смог поведать нам свою историю.

Это история лишь одного солдата. А война, о которой он рассказывает, началась двумя годами ранее с нападения Германии на Польшу. 1 сентября 2019 в своем выступлении на памятном мероприятии в польском Велюни и в Варшаве я напомнил об этом. Два года, за которые Вторая мировая война уже повергла значительную часть Европы во мрак разрушения, оккупации и тирании.

А то, что последовало за этим и началось 22 июня 1941 года, обернулось разгулом ненависти и насилия, радикализацией войны и превращением её в безумие тотального уничтожения. С первых же дней наступление германских войск было движимо ненавистью: антисемитизмом и антибольшевизмом, расовым безумием в отношении славянских и азиатских народов Советского Союза.

Те, кто вёл эту войну, убивали людей всеми мыслимыми способами, проявляя невиданные прежде жестокость и зверства. Те, кто был ответственен за эту войну, пытались к тому же обосновать свой националистический бред немецкой культурой и цивилизацией, ссылаясь на Гёте и Шиллера, Баха и Бетховена, опорочили всю цивилизацию в целом, нарушили любые принципы гуманности и права. Война немцев против Советского Союза была варварством убийц.

Как бы тяжело нам ни было, мы обязаны помнить об этом! И когда, как не в такие памятные даты? Память об этом inferно, об абсолютной вражде и расчеловечивании других людей – эта память

остаётся долгом для нас, немцев, и предупреждением для всего мира.

Сотни тысяч советских солдат погибли на фронтах, умерли от голода, были расстреляны уже в первые месяцы войны, летом 1941 года.

Сразу же с наступлением германских войск начались убийства еврейских мужчин, женщин и детей расстрельными командами СД, СС и их пособниками.

Сотни тысяч мирных жителей Украины, Беларуси, стран Балтии и России стали жертвами бомбардировок, подверглись беспощадному преследованию и истреблению за партизанскую борьбу. Города разрушались, деревни сжигались. На старых фотографиях лишь обугленные кирпичные трубы печей возвышаются над опустошённой местностью.

В результате эта война стоила народам Советского Союза 27 миллионов жизней. 27 миллионов человек нацистская Германия убила, уничтожила, истребила, уморила голодом, замучила до смерти подневольным трудом.

14 миллионов из них были мирными жителями.

Никто в этой войне не принёс бóльших жертв, чем народы тогдашнего Советского Союза. И тем не менее, эти миллионы не настолько глубоко запечатлены в нашей коллективной памяти, как того требуют их страдания и наша ответственность.

Эта война была преступлением – чудовищная, преступная захватническая война на уничтожение. Кто сегодня приедет на места, опалённые войной, кто встретит людей, которых коснулась эта война, тому они неизбежно напомнят о 22 июня 1941 года – напомнят без годовщины, без монумента.

Эта война наложила свой отпечаток на стариков, которые пережили его детьми, и на людей моложе них, на их внуков и правнуков. Его след можно обнаружить от Белого моря до Крыма, от балтийских дюн до Волгограда. Это отметины войны, отметины разрушения, отметины утрат.

На дорогах войны остались массовые захоронения – братские могилы, как их называют по-белорусски, по-украински и по-русски.

Убийства продолжались и за линией фронта. Солдат Вермахта Пауль Хон, расквартированный в белорусском Березино, записал 31 января 1942 г. в своём дневнике: «3 часа дня. Уже час расстреливают всех ещё оставшихся здесь в живых евреев, 962 человека, женщины, старики, дети. [...] Наконец-то. Аксию проводит команда из 20 гестаповцев. 2 человека стреляют по очереди. Евреи передвигаются гусиным шагом [...] по снегу [...] ко рву, в который они спускаются друг за другом, и их по очереди

расстреливают в лежачем положении. [...] Так искореняется чума. Из окна моего рабочего места в 500 метрах видно гетто, и хорошо слышны крики и выстрелы. Жаль, что я в этом не участвую».

Любая война несёт с собой опустошение, смерть и страдания. Однако эта война была другой.

Она явила миру варварство, совершённое немцами. Она стоила жизни миллионам людей, она обратила в руины целый континент и, как следствие этой войны, мир на десятки лет оказался разделён.

Война и её наследие раскололи и нашу память. И этот раскол не преодолен даже сейчас, спустя три десятилетия после падения «железного занавеса». Он лежит бременем на нашем будущем. Наша задача – преодолеть его. Задача, для решения которой нам крайне необходимо прилагать больше усилий, невзирая на границы – ради нашего прошлого, но прежде всего – ради мирного будущего грядущих поколений на нашем континенте! Поэтому сегодня мы собрались здесь, в историческом месте, в музее, работу которого поддерживают 17 организаций из четырёх стран. Флаги этих стран развеваются перед зданием музея.

Даже там, где видимые следы войны сегодня стёрлись или поросли бурьяном беспокойного прошлого века, где на них наложились годы сталинизма, «холодной войны», распад Советского Союза, их всё-таки можно нащупать. Война всё ещё ощутима – как шрам, если провести по нему пальцами.

Но делаем ли это мы, немцы? Обращаем ли мы наш взор туда, на слишком мало знакомый нам восток нашего континента?

Кому в Германии известен Малый Тростенец под Минском, где между 1942 и 1944 годами было убито не менее 60 000 человек? Или деревенька Хатынь, которую весной 1943 года сровняли с землёй и убили всех её жителей, половина из которых были дети? Кому известна Корюковка на севере Украины, где в течение двух суток 6 700 мужчин, женщин и детей стали жертвами самой масштабной и жестокой карательной акции Второй мировой войны?

Кому известен город Ржев, расположенный не так далеко от Москвы? А ведь только там Красная Армия в нескончаемой битве потеряла погибшими и ранеными более миллиона солдат.

Кому известен городок Мизоч, всё еврейское население которого было расстреляно перед городскими воротами в течение одного дня, 14 октября 1942 года? Лишь пять фотографий германского жандарма Густава Хилле напоминают о месте преступления, где сегодня простирается умиротворяющий холмистый пейзаж.

«Тихо лежат мертвые тела, погребённые во дворах среди бурьяна. Тишина эта страшнее слез и проклятий, ужаснее стенаний и криков боли», – писал Василий Гроссман осенью 1943 года.

Но сквозь эту тишину их можно услышать – рассказы выживших, советских военнопленных, подневольных работников, изгнанных и ограбленных до нитки мирных жителей, красноармейцев, которым ещё предстояло обратиться в бегство и разгромить вермахт. Одним из них был Давид Душман, последний живой из освободителей Освенцима, который умер несколько дней назад; как и Борису Попову, ему было 98 лет. Он тоже всю свою жизнь рассказывал о том, что ему довелось пережить.

Да, эта война отбрасывает длинную тень, и эта тень лежит на нас по сей день.

В своём письме жене граф Хельмут Джеймс фон Мольтке, работавший в августе 1941 года в международно-правовом департаменте Верховного командования вермахта, писал: «Сводки с востока опять ужасны» [...] «Горы трупов» лежат «на наших плечах». Постоянно, – пишет он, – можно слышать об этапах с пленными и евреями, из которых лишь 20 процентов доезжают до места назначения. Ходят разговоры, что в лагерях для пленных царят голод, тиф и другие эпидемии, возникающие в результате недостатка всего жизненно необходимого.

Войну, о которой писал Мольтке, нельзя было измерить никакими человеческими мерками. Но придумали и осуществили её именно люди. Это были немцы.

Поэтому она оставила нам в наследство вопрос, который снова и снова не даёт покоя поколению за поколением: Как это могло случиться? О чём знали наши предки? Что они творили?

Ничего из того, что в то время происходило далеко на востоке, не происходило случайно. Айнзацгруппы полиции безопасности, СД, ваффен-СС и их пособники отнюдь не бездумно расчищали себе дорогу, сжигая всё на своём пути. Они следовали мании истребления и убийственным планам, разработанным в Главном управлении имперской безопасности и в соответствующих рейхсминистерствах. И они следовали за вермахтом, за германскими солдатами, которые уже до них успевали ограбить, измучить или убить по подозрению в партизанской деятельности местных жителей. Преступная захватническая война велась в военной форме вермахта. В её жестокости есть и доля вины солдат вермахта. Много, слишком много времени понадобилось нам, немцам, чтобы признаться самим себе в этом факте.

Планы, которым следовали германские солдаты, назвались «Генеральный план Ост» и «План голода» (он же «план Бакке»). Эти планы возводили бесчеловечность в ранг принципа. Целью

этих планов было эксплуатировать людей и морить их голодом, изгонять из родных мест, поработать, чтобы в конце концов уничтожить.

Чиновники Главного управления имперской безопасности планировали истребление с циничной тщательностью. Они планировали войну, которая объявляла врагом всё советское население: все советское население от новорождённого до глубокого старика. Этому врага предполагалось не просто победить в бою. Он должен был сам заплатить за навязанную ему войну – своей жизнью, своим имуществом, всем, в чём заключалось его существование. Вся европейская часть Советского Союза, целые области нынешних Украины и Беларуси должны были быть – цитирую приказы – «зачищены» и подготовлены для немецкой колонизации. Города-миллионники – нынешний Санкт-Петербург, Москву или Киев – предполагалось сровнять с землёй.

Советские военнопленные тоже не рассматривались как пленные. Они не считались воинами. Они были расчеловечены; у них отняли право считаться людьми. Вермахт, отвечавший за военнопленных, не намеревался предоставлять им питание, «прокорм», как это тогда называлось. И германский генералитет не возражал против намерения Гитлера сделать вермахт исполнителем этого преступления. «Неработающие военнопленные должны умереть от голода». Так гласил приказ генерал-квартирмейстера германских Сухопутных войск в ноябре 1941 года.

Борис Попов, историю которого я рассказываю вам, голодал в четырёх германских лагерях – с первого до последнего дня своего плена. В Дроздах, – рассказывал он, – им лишь через 12 дней дали по поллитра «баланды», водянистого супа, который они черпали из чугунной ванны, мимо которой их гнали немецкие надзиратели.

Голод усугублялся губительными санитарными условиями. Паразиты, инфекции и болезни распространялись повсеместно. Военнопленный Николай Николаевич Данилов писал: «Больные и здоровые лежали вповалку. По нашим телам ползали вши и крысы».

На выставке, которую мы сегодня здесь открываем, можно увидеть на первый взгляд безобидное фото. На нём сотни деревьев, устремлённых к небу. Если посмотреть внимательнее, можно заметить: это деревья без листьев, без веток, без коры. Советские военнопленные голыми руками отдирали их от стволов, чтобы не умереть от голода. Эта фотография даёт нам представление об ужасах тех лагерей. Она сделана в городе Шлос-Хольте-Штукенброк в Восточной Вестфалии. Ещё одно место, где были совершены эти преступления, – только не где-то далеко на востоке, а менее чем в часе езды от моего родного города, от

места, где я вырос и где в школьные годы я так и не узнал ничего о том, что там происходило меньше двадцати лет назад.

После Дроздов Борис Попов был переведён в бывший «шталаг» № 352 в Масюковщине – сегодня это район Минска. Только здесь погибло 80 000 военнопленных. Но Попову повезло: его отрядили разнорабочим в почтовое отделение военной администрации. В начале 1942 года его перевели в лагерь в Гомеле, два месяца спустя – в «шталаг» IV-B здесь, в Бранденбурге.

Борис Попов был освобождён из лагеря 23 апреля 1945 года в Мюльберге-на-Эльбе. Его судьба исключительна: почти шесть миллионов женщин и мужчин – солдат Красной Армии – попали в немецкий плен. Больше половины из них погибло, большинство – в сборных лагерях на востоке.

После освобождения Борис Попов впервые за четыре года смог написать матери письмо. В Ленинград. Он не знал, жива ли она ещё. Миллион ленинградцев умерли от голода во время немецкой блокады. Несколько лет назад Даниил Гранин в Германском Бундестаге говорил об ужасах блокады. «Смерть уничтожала тихо, безмолвно, день за днём, месяц за месяцем – все 900 дней. Как укроешься от голода? [...] Соскабливали клей с обоев, варили кожаные ремни. Ученые-химики в институтах перегоняли олифу. Съедали кошек, собак». В пищу в блокадном городе употреблялись немыслимые вещи. Даниил Гранин в своей незабываемой речи упоминал такие кошмарные подробности, которые у меня, президента своей страны, язык не поворачивается повторить.

Этот преднамеренный метод – не занять город, а уморить его голодом в результате 900-дневной блокады – тоже был частью так называемого «Плана голода», который я цитировал.

Мать Бориса Попова пережила блокаду. В 1946 году Попов вернулся в Ленинград. Он смог закончить учёбу, женился и переехал с женой в Минск, где работал главным инженером на киностудии «Беларусьфильм». По работе ему в 70-х гг. даже довелось снова побывать в Германии.

Борис Попов оставил нам берущую за душу историю своей жизни. Но долгое время никто не хотел её слушать. Не хотели слушать в Советском Союзе, где он до 1975 года был вынужден бороться за то, чтобы его, как бывшего военнопленного, признали участником войны. И не хотели слушать в Германии. Тяжёлая судьба собственных, германских солдат, попавших в советский плен, затмевала интерес к судьбе советских. Возможно, что некоторым немцам в первое послевоенное время это облегчало совесть.

Но преступления, совершённые немцами в этой войне, бременем лежат на нас. Они гнетут нас, нынешнее поколение, как гнетут они потомков жертв. До сих пор. Над всеми нами довлеет тот факт, что именно наши отцы, деды, прадеды вели эту войну и были причастны к этим преступлениям. Над нами довлеет то, что слишком многие виновные в тягчайших преступлениях не были привлечены к ответственности. Над нами довлеет то, что мы слишком долго не признавали жертв на востоке нашего континента жертвами – не признавали, отказывая им в памяти.

И давайте сегодня не будем забывать: в нас самих, в историях наших собственных семей до сих пор звучит эхо страданий, ужасов той войны и её последствий: изгнания, разделения, оккупации. Среди нас живут старики, которые детьми застали войну. Их отцы воевали тогда. Их матери, женщины, хлебнули горя, в том числе от наступавшей Красной Армии. Многие отцы, как говорили ещё несколько лет назад, «остались в России». Они погибли, пропали без вести или умерли в плену. На жизненных путях этого выросшего без отцов поколения тоже лежит тень той войны.

Для того, чтобы высветить эти потаённые уголки памяти, далеко ходить не нужно – они находятся прямо у порога нашего дома. Это не только бывшие лагеря военнопленных, такие как Штукенброк в Вестфалии или Зандбостель в Нижней Саксонии, который я посетил несколько дней назад. В Германии существует более 3 500 захоронений советских подневольных работников и военнопленных. Музей Карлсхорст собрал воедино информацию обо всех этих местах и разработал карту. Я бы очень хотел, чтобы молодёжь посещала в том числе и забытые места на востоке нашего континента точно так же, как люди приходят на мемориалы Второй мировой войны на западе. Это стало бы важным вкладом в нашу общую память.

Никому не легко вспоминать об ужасах прошлого, конечно не легко. Но бремя вытесненной памяти, непризнанной вины никогда не станет легче – наоборот, оно станет давить лишь тяжелее.

Мы должны помнить не для того, чтобы взвалить на нынешние и будущие поколения вину в том, чего они не совершали, а ради нас самих. Мы должны помнить, чтобы понять, как это прошлое продолжает жить в настоящем. Лишь тот, кто научится читать следы прошлого в настоящем, сможет внести свой вклад в будущее, в котором будет возможно избежать войн, не дать шансов тирании и строить мирное сосуществование в условиях свободы.

И поэтому мы должны знать, что такие места, как Мизоч, Бабий Яр и Корюковка на Украине, как Ржев в России, как Малый Тростенец и Хатынь в Беларуси, что все эти забытые уголки – это точки на карте истории Германии.

То, что после всего случившегося немцы сегодня именно в этих самых местах ощущают гостеприимство со стороны жителей Беларуси, Украины или России, что их принимают как желанных гостей, встречают с добрым сердцем, – всё это иначе, как чудом, назвать нельзя.

Шесть лет назад, в годовщину окончания войны, мне, в то время министру иностранных дел Германии, в Волгограде, бывшем Сталинграде, был оказан торжественный приём в присутствии многочисленных ветеранов. С гордо поднятой головой, в своей военной форме, которая стала им уже слишком велика, они отдавали мне воинскую честь, и слёзы стояли в их глазах. Этот момент останется одним из самых трогательных, запечатлевшихся навсегда воспоминаний моей жизни.

У меня есть просьба: давайте в этот день, когда мы вспоминаем миллионы и миллионы погибших, осознаем, сколь великую цену имеет примирение, проросшее из могильных холмов.

Дар примирения накладывает на Германию великую ответственность. Мы хотим и должны делать всё для защиты международного права и территориальной целостности на нашем континенте, для укрепления мира с государствами бывшего Советского Союза и между ними.

В 2007 году Борис Попов получил письмо от германской организации «Kontakte-Контакты». Его просили рассказать свою историю в форме письма. Это первое письмо стало началом. Вплоть до своей кончины в прошлом году Борис Попов выступал с докладами и речами, в школах и перед публикой в Беларуси и в Германии. В марте 2020 года, за несколько месяцев до его смерти, в Минске ему был вручён Орден за заслуги перед Федеративной Республикой Германия.

Я знаю, что вдова Бориса Попова Зоя Михайловна Попова и её внучка в Минске сейчас смотрят прямую трансляцию нашего мероприятия. Хочу передать им мой самый сердечный привет.

Однажды, отвечая на вопрос берлинского школьника о том, что он чувствует, вспоминая годы своего плена, Борис Попов сказал: «Возникает вопрос: не пора ли человечеству принципиально отказаться от войны и перейти к отношениям взаимного уважения, в которых все даже самые сложные вопросы разрешаются мирным путем?»

Этот вопрос Борис Попов задал нам.

Мне кажется, что Европа в своё время уже была ближе, чем сейчас, к ответу на этот вопрос. Десятки лет назад, несмотря на напряжённость и конфронтацию между блоками, по обе стороны «железного занавеса» царил иной дух. Я имею в виду дух Хельсинки. В разгар угрозы обоюдного ядерного уничтожения

начался процесс, ставивший своей целью предотвратить новую войну благодаря признанию общих принципов и сотрудничеству и помогший предотвратить её. Этот путь, приведший к подписанию Хельсинкского заключительного акта, был начат ещё полвека назад. Он не был ни простым, ни прямым. Но это был путь, уводящий прочь от логики эскалации и угрозы обоюдного уничтожения. Можно сказать, что этот путь был долог и тернист, но намного больше, чем тернистые пути, меня страшат топтание на месте и отчуждение.

Меня очень беспокоит то, что полная страданий история, о которой мы сегодня вспоминаем, сама всё больше и больше становится источником отчуждения. Если наш взгляд назад будет ограничен единственной, национальной точкой зрения, если обмен мнениями о разных аспектах памяти прекратится либо будет отвергнут, то работа над написанием истории станет инструментом новых конфликтов, предметом новой вражды. Поэтому я убеждён: история не должна становиться оружием!

Ведь нас объединяет то, что мы, вспоминая прошлое, не поворачиваемся к нему спиной, а смотрим вперёд, громко и чётко призывая: такая война не должна повториться! Я знаю, что этот мой призыв разделяют многие и многие люди в Польше и странах Балтии, в Украине, Беларуси и России, во всех государствах бывшего Советского Союза. К вам, гражданам всех стран, пострадавших от развязанной Германией войны на уничтожение, я обращаю сегодня свои слова:

Не допустите! Не позволим допустить, чтобы мы вновь оказались друг другу врагами, чтобы мы перестали признавать друг в друге человека.

Не позволим, чтобы последнее слово оставалось за теми, кто говорит на языке национального высокомерия, презрения, вражды, отчуждения. Память должна сближать нас. Она не должна снова расколоть нас.

Здесь, в этом здании, в войне официально была поставлена точка. Поэтому для нашей страны и для этого города Карлсхорст всегда будет особенным местом – местом памяти.

При всех политических разногласиях, при всей необходимости спорить о свободе, демократии и безопасности, должно быть место для памяти. Поэтому я сегодня здесь.

Пусть память о прошлом не лечит раны, наносимые в настоящем, но настоящее никогда не стирает прошлое. Так или иначе, прошлое продолжает жить в нас: как вытесненная история или как история, которую мы принимаем. Слишком долго мы, немцы, не делали этого в отношении преступлений, совершённых на востоке нашего континента. Пришло время наверстывать.

Поэтому мы сегодня собрались здесь, в Карлсхорсте. Мы собрались, чтобы отдать дань памяти 27 миллионов погибших, 14 миллионов мирных жертв.

Мы собрались, чтобы вспомнить невероятный вклад женщин и мужчин, сражавшихся в рядах Красной Армии против нацистской Германии.

Мы вспоминаем их мужество и решительность, вспоминаем миллионы людей, которые вместе с американскими, британскими и французскими союзниками и вместе со многими другими не жалели своих жизней в борьбе за освобождение от нацистской тирании. Многие из них погибли.

Я выражаю своё глубокое уважение перед лицом их борьбы с «худшим режимом из всех, что когда-либо опорочили нашу планету», как писал Иегуда Бауэр.

Я в скорби склоняюсь перед украинскими, белорусскими и русскими жертвами, перед всеми жертвами, принесёнными бывшим Советским Союзом.

Давайте же будем работать во имя иного, во имя лучшего будущего. Это – в наших руках.